

Агата

В основе романа — реальная драматическая история любви. Придворные страсти, фатальные ошибки и такой непростой путь к любви.

Одного взгляда хватило графу Алексису Гурьеву, чтобы влюбиться в нее. Агата — прекрасное нежное создание. За какую добродетель этот ангел одарил повесу графа своей любовью? Влюбленный Алексис решает на безрассудство: тайно увезти девушку в свое графское имение. Он знает, что родители никогда не дадут согласия на этот брак. Назло всем Алексис представляет Агату как свою будущую жену. Мать графа, дорожащая родословной их семьи, готова на все, чтобы выжить Агату не только из поместья, но и из сердца сына. Эта простушка недостойна Алексиса. Кажется, коварному плану графини ничто не сможет помешать...

ЕЛЕНА ХЕЙФЕЦ

Агата

Елена Хейфец

Агата

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

© Хейфец Е. Е., 2020

© Алексей Галушков, «Ретроателье», обложка, 2020

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2021

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

ISBN 978-617-12-8472-2 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Одного погляду вистачило графу Алексісу Гур'єву, щоб закохатися в неї. Агата – прекрасне ніжне створіння. За яку чесноту цей ангел подарував гульвісі графу своє кохання? Закоханий Алексіс наважується на безум: таємно вивезти дівчину до свого графського маєтку. Він знає, що батьки ніколи не дадуть згоди на цей шлюб. На зло всім Алексіс відрекомендує Агату як свою майбутню дружину. Мати графа, яка пишається родоводом своєї сім'ї, ладна на все, щоб виселити Агату не тільки з маєтку, але й із серця сина. Ця простачка не варта Алексіса. Здавалося б, підступному плану графині ніщо не зможе завадити...

Хейфец Е.

X35 Агата : роман / Елена Хейфец. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 320 с.

ISBN 978-617-12-8177-6

Одного взгляда хватило графу Алексису Гурьеву, чтобы влюбиться в нее. Агата – прекрасное нежное создание. За какую добродетель этот ангел одарил повесу графа своей любовью? Влюбленный Алексис решается на безрассудство: тайно увезти девушку в свое графское имение. Он знает, что родители никогда не дадут согласия на этот брак. Назло всем Алексис представляет Агату как свою будущую жену. Мать графа, гордящаяся родословной их семьи, готова на все, чтобы выжить Агату не только из поместья, но и из сердца сына. Эта простушка недостойна Алексиса. Казалось, коварному плану графини ничто не сможет помешать...

УДК 821.161.1(477)

Предисловие

Э тот роман о необыкновенной любви моей прапрабабушки Агаты и графа Александра Николаевича Гурьева.

У каждого человека есть своя история любви.

Сколько людей на земле — столько и историй. Если бы кто-то взялся описать все, книга получилась бы бесконечной.

Отношения мужчины и женщины — восхитительный кладезь, из которого можно непрерывно черпать темы для писательского труда. Эти повествования могут быть похожими друг на друга, но никогда не будут одинаковыми.

Роман «Агата» о любви... Не придуманной. Трогательной и романтической. Время действия — середина девятнадцатого века.

Глава 1

1843 год

Из Ревеля в Москву решено было переезжать в сочельник, чтобы встретить Рождество на новом месте. Анна волновалась, суетилась, порой впадала в отчаянье. Собираться она начала давно: уже месяц пыталась сложить все необходимое для жизни в большом городе. Она привыкла, что Эрих, ее муж, всегда сам занимается важными домашними делами. После его кончины дни стали тянуться медленно, сменяясь долгими вечерами и тоскливыми бессонными ночами.

Анна продолжала жить в каком-то отупении. У нее совсем не было сил, она даже решила, что заболела, но доктор сказал, что это состояние временное, а когда пройдет, неизвестно. Велел пить на ночь капли и гулять перед сном. Но капли не помогали, а вечерняя прогулка, когда рядом не было мужчины, на чью руку она привыкла опираться, лишь усиливала ее хандру. Анна возвращалась домой разбитая и, прорыдав в подушку, долго еще лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к тому, как в зале тикают каминные часы.

В ящики складывали книги, фарфор, хорошее постельное белье. Поношенную одежду Анна отдавала служанке Дуне, немой русской бабе, которая не говорила, а мычала, но все слышала и прекрасно понимала три языка, на которых разговаривали хозяева. Казалось, Дуня была у них всю жизнь. Старшие Брауны взяли сироту к себе в услужение совсем молодой, а потом, когда старики умерли, Дуня перешла жить в семью Эриха. Сколько ей было тогда и сколько теперь, никто не знал.

Казалось, все препятствовало отъезду. Постоянно появлялись дурные знаки: то разобьется сервиз, то испортится или потеряется какая-нибудь нужная вещь. Так было и со шкатулкой, в которой хранились важные семейные реликвии. Анне вдруг в ней что-то

понадобилось, и пришлось открыть уже упакованные ящики и корзины. Шкатулку она так и не нашла, расстроилась и проплакала весь вечер, сидя у окна и глядя на то, как по узкой мостовой метет поземка, и слушая, как безнадежно и страшно воет ветер в каминной трубе. Анна никак не могла привыкнуть к тому, что все теперь решает только она одна.

Ей трудно было смириться с одиночеством, возникшей пустотой и вынужденной самостоятельностью, ответственностью за девочек, дом и хозяйство: Эрих оберегал жену от неурядиц и домашних тягот.

Анна была чистокровной немкой и жила в Ревеле всегда, с рождения. Здесь жили и ее родители, Ганс и Берта, и их родители. Немецких семей в столице Эстляндии было много. Ганс был мастером-краснодеревщиком высокого класса, хорошо известным в городе. Семья была среднего достатка, несмотря на то что отец работал много и тяжело.

У Браунов было скромное жилье в Нижнем Ревеле. Основное население этой части города составляли купцы, ремесленники и почтовые служащие. В Верхнем Ревеле жили высокопоставленные чиновники, городской епископ, высшее духовенство и помещики. Верхний город располагался на холме Тоомпеа. С Нижним, купеческим, его соединяли всего две улицы. По одной из них, узкой, извилистой улочке-лестнице, той, что тянулась от церкви Нигулисте и звалась в народе «короткая нога», Анна, будучи совсем еще маленькой, самостоятельно пробиралась в Верхний Ревель, чтобы заглядывать в жилища богатых господ.

Маленькая девочка смотрела в окна на первом этаже, где шторы были неплотно прикрыты и можно было увидеть много интересного. Сердце ребенка выпрыгивало из груди от восторга. Этот законный мир волновал Анну чрезвычайно. Там было много света (ярко горели роскошные люстры), стояла чудесная мебель и жили красивые дамы с прелестными, нарядными детьми. Дамы всегда были одеты весьма изысканно и двигались почему-то удивительно медленно. Возвратившись домой, Анна становилась задумчивой и молчаливой. У детей в этих домах были игрушки, которых никогда не было у нее. Она мечтала, что когда-нибудь и у нее будут такие же куклы, как у этих маленьких богачей. Если бы мать Анны узнала, что ее дочь ходит в Верхний город, она была бы недовольна.

Вторая улица, соединяющая ремесленную часть города с «вельможной», в народе называлась «длинная нога». Она была вымощена булыжником и предназначалась для карет и всадников. Иногда, если занавесочка в карете была отодвинута или это была коляска с откидным верхом, Анна видела проезжающих мимо дам в дорогих одеждах, шляпах со страусиными перьями, шикарных меховых мантий, и сердце ее сладостно сжималось.

Со временем Анна превратилась в стройную высокую девушку с прекрасными волосами и дивными глазами. Не было ничего удивительного в том, что уже семнадцати лет от роду она получила предложение руки и сердца от немолодого, но вполне приятного человека, известного в Ревеле дантиста, немца Эриха Брауна. Разница в возрасте Анну не смущала. Ее мечта сбылась: она перебралась из Нижнего города в Верхний.

Любила ли Анна Эриха? Она никогда об этом не задумывалась. Анна знала, что муж любит ее, и этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой. Ей жилось легко и спокойно. Летом они уезжали на воды, а поскольку Эрих не мог покинуть работу надолго, он оставлял красавицу жену на курорте одну, не подвергая сомнению ее порядочность.

Не имея никакого опыта в амурных делах, на курорте молодая женщина принимала ухаживания приезжих кавалеров. Ей это льстило, давало чувство уверенности. Букеты гортензий и роз, французское вино, коробки дорогих конфет... Однажды Анна чуть не влюбилась. Анатолий приехал на воды из Санкт-Петербурга. Судя по всему, он был довольно богат, поскольку все свое свободное время проводил в дорогих ресторанах и прочих увеселительных местах. Анатолий увидел Анну, когда она гуляла по набережной. В шикарном костюме из серебристо-серого атласного сукна она была прекрасна. Анатолий потерял голову; его ухаживания были так настойчивы, что Анна, испугавшись новых для нее, неведомых чувств, спешно уехала домой. Вернувшись в Ревель, она долго еще вздыхала, вспоминая пылкие слова молодого ухажера, его прикосновения и мимолетный поцелуй, который и испугал ее, заставив немедленно уехать.

Эрих мечтал о наследнике. Он словно предчувствовал свой преждевременный уход, понимая, что уже немолод и что надо не только подарить детям жизнь, но и поставить их на ноги. На все это

нужно время. Вскоре родилась двойня, два мальчика, им успели дать имена — Людвиг и Мартин, но дети были слабы и через неделю умерли. Отец очень горевал. Анне было жаль мужа, который так радовался, узнав, что жена разрешилась двумя мальчиками.

Молодая женщина тем временем расцвела, став еще более привлекательной. Густые волосы обрамляли ее узкое лицо с белоснежной кожей, выразительные глаза поражали красотой. Роды нисколько не испортили ее фигуру: Анна была легка и подвижна.

Некоторое время спустя у нее родилась очаровательная дочь, которую нарекли Терезой. Малышка походила на мать, только кудри у нее были светлые как лен. Огромные черные глаза контрастировали с золотом волос. Тереза росла неторопливым, рассудительным ребенком. Эрих был без ума от дочери, но продолжал мечтать о сыне. Однако сына Бог им не дал.

Через два года родилась вторая дочь. Анна тяжело переносила беременность, очень поправилась, подурнела лицом, и все говорили, что будет мальчик. Но ожидания не оправдались: родилась девочка, хорошенькая, словно маленькая кукла. Агата была полной противоположностью сестры — быстрая, ловкая, решительная в играх и делах. От матери она унаследовала каштановые волосы и серые глаза, похожие на два бездонных озера. Обе девочки были умны и хорошо воспитаны, превосходно знали немецкий, эстонский и русский языки.

...Смерть мужа стала ударом, нарушившим ладно устроенный быт, тихую, размеренную жизнь. Внезапно заболев, Эрих пролежал с месяц в постели, теряя силы, и покинул этот мир, несмотря на то, что доктора предсказывали благополучный исход.

Накануне пополудни Эрих попросил, чтобы Дуня сварила щи, непременно с мясом, такие как он любил, и обязательно с белыми грибами. И студня попросил со сметаной и хреном. Служанка принялась стряпать, и к следующему утру все было готово. Но силы покидали Эриха, и он смог проглотить лишь несколько ложек ароматных щей, наотрез отказавшись от прозрачного, светящегося янтарем студня. Эриху было тяжело и страшно покидать свою Аннелис, ведь он не устроил ей и дочерям дальнейшую жизнь. Исхудавший, измученный ежедневными болями, он попросил Анну присесть возле его кровати и выслушать его.

— Аннелис, дорогая, если, бог даст, я справлюсь с этой болезнью, все останется по-прежнему. Мы будем жить так же, как жили: без особого достатка, но и не бедствуя. Однако если я вдруг умру, я хочу быть уверен, что оставлю вас в довольстве и ты сможешь, не зная финансовых проблем, вырастить Терезу и Агату. Ты ведь знаешь, как я люблю вас... Пообещай, что сделаешь все так, как я скажу.

Анна сидела с бледным лицом, заплаканная, сжимая в руках шелковый платок.

— Зачем ты пугаешь меня? Разве тебе стало хуже? Скажи, милый, неужели нынче тебе совсем нехорошо? Карл Фридрихович сказал, что через месяц ты поправишься, что течение болезни его не беспокоит и следует надеяться на лучшее. Ты пил после обеда микстуру? И лед! Лед! Я прикажу Дуне принести лед! Мы забыли, что его надо часто менять...

Анна откинула одеяло, чтобы забрать пузырь со льдом, и вдруг заметила, как сильно исхудал ее муж, испугалась и, не сумев совладать со своим страхом, безутешно зарыдала.

— Аннелис, прошу, не перебивай! Выслушай меня, милая. Все, что у нас есть, — это дом, где мы живем, здание, где я принимаю больных, то есть мои «докторские апартаменты», и две кофейни.

— Дорогой, я смогу управлять кофейнями, не беспокойся.

— Я никогда не нагружал тебя такими мелочами. Управлять кофейнями очень хлопотно. Я думал об этом. У нас есть еще кое-какие средства... Я составил завещание.

Эрих замолчал, с трудом переводя дыхание. Анна обратила внимание на то, как он осунулся: глаза ввалились, мягкие черты красивого прежде лица стали чужими.

— Анна, ты со всем справишься, просто у тебя появится новое занятие. Не перебивай меня... Кофейни не дают большого дохода. Тебе это ни к чему; управляющий там — шельмец, хитрый, как старый лис, да и кухарки с официантами норовят стянуть все, что плохо лежит.

Он снова сделал длинную паузу. Было ясно, что ему самому страшно думать о смерти. Эрих закрыл глаза и продолжил:

— Послушай меня, дорогая... Если я вас покину, ты продашь всю недвижимость, какую мы имеем, и с девочками переедешь в Москву. В Ревеле ты одна не проживешь. Тут все как на ладони — устроено

прочно и еще долго ничего не изменится. Ты знаешь эстонцев: они не любят перемен... Я расскажу, что тебе следует сделать в Москве.

Эрих замолчал, собираясь с силами.

— Дуня! Дуня! — закричала Анна. — Где же ты? Принеси лед. Он в подвале, в леднике. побыстрее, Дуня! Что же ты, разве не слышишь?

— В Москве много немцев; в основном это промышленники, торговцы и рантье, — продолжил Эрих. — Разыщи моего друга Мартина Мюллера — он живет на Большой Конюшенной. С семьей. Мартин верный человек, положиись на него. Он тоже родом из Ревеля. Мы дружили в юности, жили рядом, вместе учились. Мартин честный и добрый... И еще ты должна будешь приобрести в Москве большой дом, только не на окраине... Ты вложишь в эту покупку основную часть денег... Дом должен быть просторным, добротным и удобным, с дорогими обоями, множеством комнат и несколькими отдельными входами.

— Эрих, я уже догадалась: это будет гостиница? Ты хочешь, чтобы у нас был доходный дом и я им управляла? Я справлюсь! Ей-богу, справлюсь со всем. Не беспокойся.

— Да, это будет доходный дом. В Москве это дело становится популярным и довольно прибыльным. Ты будешь сдавать комнаты приезжим и всем, кто пожелает у тебя остановиться. Ты знаешь, я бывал за границей и видел: маленькие гостиницы там процветают. За ними будущее. В Москве богатые предприниматели уже строят такие дома. Чем лучше и удобнее будет гостиница, тем больше денег ты сможешь брать с постояльцев... Аннелис, найми управляющего. Зачем тебе вникать в хозяйственные проблемы? Ты будешь владелицей дома. Если дело пойдет успешно, ты быстро накопишь деньги и сможешь обеспечить девочкам неплохое приданое. Купи лучшую мебель, дорогие портьеры, люстры... Там должна быть прекрасная посуда. Наймешь двух поваров — русского и француза. Но не сразу. И прошу тебя, не забудь о Дуне. Не оставляй ее. У нее нет никого, кроме нас. К тому же она чудесно готовит русские блюда. Определи ее на кухню. Повторяю: сразу поваров не нанимай, вначале пойми, что за люди поселились в твоей гостинице и где они намерены столоваться. Может быть, кое-кто из гостей ограничится утренним кофе или чаем с булочками...

— Эрих, я хочу заниматься всем этим с тобой! — воскликнула Анна. — Этой гостиницей. Мы назовем ее «Гостевой дом Эриха Брауна». Ты непременно выздоровеешь и в Москву мы уедем вместе!

Анна была в отчаянии от слов мужа. Она понимала, что он не верит в свое выздоровление. А как же она, Анна? Как же дети?

— Аннелис, дослушай меня...

— Я слушаю тебя, Эрих!

— Если ты не пожалеешь денег на обустройство дома, вскоре вся Москва узнает о твоей гостинице. У тебя должно быть уютнее, лучше и вкуснее, чем у других. Я давно об этом думал, ведь я старше тебя, милый друг... Тереза и Агата пусть выберут себе то, чем они хотели бы заниматься в будущем, и непременно обучатся профессии. Если ты выйдешь замуж, возьми, как и положено, фамилию мужа. Дочери в девичестве пусть будут Браун, а выйдут замуж, сами распорядятся своей судьбой и решат, чью фамилию будут носить... Прости меня, милая, если я в чем-то перед тобой виноват...

На следующий день Эрих Браун попросил позвать к нему священника для исповеди и причастия...

Через неделю он скончался.

На похоронах Анна, как и просил ее муж, была в его любимом наряде — блузке из черного шевиота, суконной юбке с длинным кушаком и шляпке с черной вуалью.

Женщине было всего тридцать два года. Она была молода, красива, и впереди у нее была целая жизнь.

Глава 2

Год пролетел будто один день.

Анна все сделала так, как и велел ей Эрих. Осенью она отправилась в Москву и обратилась за помощью к Мартину. Он помог ей выбрать дом и оформить купчую. Был приобретен красивый трехэтажный особняк на Патриарших прудах. Анне повезло: хозяин здания торопился и продал его дешевле. У женщины осталось достаточно денег на то, чтобы привести дом в порядок, а также купить мебель и все необходимое. Мартин, отложив свои дела, посвятил ей столько времени, сколько было нужно. Это был милейший, добродушнейший человек, всегда всем довольный, улыбчивый и жизнерадостный. Полноватый, небольшого роста, Мартин казался очень привлекательным благодаря своим душевным качествам. Как же Анне не хватало человеческого тепла! Каким печальным выдался для нее прошедший год! Сейчас она была довольна жизнью: за заботами уходила хандра, тоска по Эриху становилась не такой острой...

...Лишнего Анна решила не брать. От Ревеля до Москвы было несколько сот верст. Зимой, когда метут метели и дуют сырые промозглые ветры, она не рискнула взять дочерей с собой. Девочки поживут какое-то время у Эльзы и Людвига, брата покойного мужа, пока она не устроится в Москве. Анна вдовствовала уже год, но привыкнуть к своему положению так и не смогла.

За ночь выпало много снега. Анну отговаривали ехать в такую непогоду, но она сочла, что перенести день отъезда будет дурным знаком, и решила ничего не менять. Дворники с утра стучали лопатами, расчищая тротуары. Проезжая же часть была слишком заснежена, и только сани кое-как прокладывали себе путь, приминая снег. За день-два притопчется...

Поклажа уместилась на пяти санях. Анна расположилась в первых, сидела на своих перинах, укутавшись в одеяла и кучерские зипуны, пахнущие старым сукном и псиной. Перед ней высилась фигура ямщика в огромном армяке. Ветер сбивал снежные хлопья и охапками бросал ей в лицо.

По дороге следовало переночевать на постоялом дворе в городе N, чтобы отдохнуть и накормить лошадей.

На вторых санях ехал брат Эриха Людвиг, пообещавший Анне помочь с переездом. Дуня сидела в последних санях и все время плакала. О чем? Прощалась с Ревелем? Боялась перемен, которых в ее жизни еще не было?

Анна свое уже отплакала... В ее душе произошел переворот. Поняв, что рассчитывать не на кого, она почувствовала в себе силу, которой прежде не обладала. Женщина была уверена, что все непременно будет так, как говорил Эрих. Она верила в успех.

Москва встретила Анну дружелюбно — ей везло на людей, никто ее не подвел, не обманул. В отремонтированный особняк она завезла хорошую, добротную мебель, повесила модные картины и люстры. Выходило, что она могла принять у себя в доходном доме довольно много постояльцев. Повара Анна решила пока что не нанимать. Зачем торопиться? На первых порах Дуня справится и одна, а там видно будет. Не все жильцы станут у них столоваться. Заезжие предпочитают перекусывать на скорую руку в трактирах... Постепенно у Анны появлялся опыт. Были наняты привратник, прачка и две горничные. Без управляющего Анна решила обойтись и на этом сэкономить.

Через полгода она забрала дочерей из Ревеля, и к лету они уже жили все вместе.

В Москве Анна продолжила домашнее обучение Терезы и Агаты. Оно стоило довольно дорого, но женщина сочла это необходимым. Когда старшей исполнится шестнадцать, она будет учиться в епархиальном училище, которое дает знания не хуже, чем в женских гимназиях. Так она поступит и с Агатой, если дочь захочет приобрести профессию учительницы. Такие планы были у молодой и красивой вдовы.

Девочкам Анна выделила отдельные комнаты. Постепенно все становилось на свои места. Анна привыкала к новым жизненным обстоятельствам; ей нравилось, что она занята, что рядом есть люди, которые в ней нуждаются. Почти всегда комнаты ее гостевого дома были заполнены.

Как и планировал Эрих, слух об уютной гостинице, порядочной чистоплотной хозяйке и вкусной кухне с немецкими и русскими блюдами вскоре распространился по Москве и в доходный дом Анны

Браун потянулись постояльцы. В основном это были приезжие чиновники и купцы с семьями. Повзрослевшие дочери вникали в то, что делает мать, и старались ей помогать.

Иногда в выходные Анна возила девочек в театр или парк, стремясь расширить их кругозор и развить вкус. Дочерьями она была довольна, хотя у них и были абсолютно разные характеры.

— Агата, у тебя опять всю ночь горел свет. Ты читала?

— Да, маменька, не бранитесь. Такая книга попалась интересная, не могла оторваться!

— Отчего же не читать днем? Разве у тебя мало свободного времени? — журила Анна дочь, радуясь в душе, что та растет любознательной и начитанной. — И чем же ты так увлеклась?

— Произведением Жорж Санд, маменька! А вы ее читали?

— Да. Все-то у нее одни любовные романы. Почитала бы ты лучше что-нибудь другое.

— Что же в романах дурного, маменька? Она ведь жизнь описывает, а я уже не маленькая — скоро шестнадцать, неужели вы забыли?

Глава 3

В комнате Терезы происходило таинство: маменька примеряла на старшую дочь только что сшитое платье. Агата уже лежала в постели. У Терезы был день рождения — ей исполнилось восемнадцать лет. Агате же было всего пятнадцать, и она чувствовала себя обиженной: ей тоже хотелось новое платье!

«Везет ей, она уже взрослая, — думала, лежа в постели, Агата. — Завтра придут гости, мальчики и девочки, и станут любоваться Терезиной красотой».

Агата уже видела это платье: оно было невероятно красивым.

«Какая сестра, такое и платье! Сиреневая ткань, белый рюш и юбка плиссе... А я еще маленькая и должна лежать в постели уже в девять вечера, делая вид, будто сплю... Хоть бы Терезка поскорее вышла замуж и отдала это платье мне!

Когда Тереза влюбится, она перестанет так много думать о нарядах. А может, уже влюбилась? Я видела, как она целовалась на катке с Петькой, сыном купца Козлова. У Терезы все самое лучшее. На прошлый Новый год ей под елку положили красивое белье. А мне конфеты. Отчего же я никак не вырасту? Сейчас я засну и увижу что-нибудь волшебное... Как Терезка выходит замуж за этого кривоногого Петьку. Потом подходит ко мне и говорит: “Ну что, Агата, мне, пожалуй, это платье уже ни к чему, забирай его себе!” И я беру его, а оно такое легкое, воздушное, я буду в нем как королева. Я надеваю платье и кружусь, кружусь...»

Но лучшие сны всегда такие короткие...

Анна очень любила дочерей, поэтому ко дню рождения Терезы подготовила платье и для Агаты. Умная, мудрая мама. Утром обе девочки получили по новому платью и были счастливы. Анна была строга с ними, но очень терпелива. У Агаты был беспокойный характер, она все время искала приключений и втягивала в них сестру.

Обе девочки были прехорошенькие и ладили между собой.

Обычно перед сном Агата прибегала к сестре — босиком, чтобы ступать как можно тише, — в ночной сорочке забиралась к ней под

одеяло, и они еще долго шептались, обсуждая то, что интересно девочкам в столь нежном возрасте.

В доме было тихо и уютно. Вкусно пахло вечерними пирогами, громко тикали ходики. Где-то далеко внизу Дуня гремела посудой. Кошка мяукала и царапалась в дверь. За окном Трифон елозил лопатой по тротуару, убирая снег и не переставая сердиться на зиму.

— Тереза! Ты что, выйдешь замуж за Петьку?

— Ну право, что за вздор ты говоришь, Агата? Других, что ли, парней нет? Я вообще замуж не собираюсь! Рано мне еще.

— А зачем же вы целуетесь?

Тереза смутилась и покраснела.

— Целоваться — не замуж выходить!

— Ты в него влюбилась, что ли?

— Не знаю... А вот он мне позавчера в любви признался!

— Ну и ну! Что же ты молчала целых два дня, ничего мне не рассказывала? Тоже мне, сестра! Я тебе всегда обо всем рассказываю. Ну а ты? Я теперь тебе тоже ни за что не открою свои секреты.

— Ладно, не дуйся. Ты еще маленькая, подрасти сначала.

— Пятнадцать лет — это, по-твоему, маленькая? Бывает, что в этом возрасте барышень уже замуж отдают... Ну так что там с Петькой-то?

— Да ничего! Говорит: «Ты мне, Тереза, нравишься! Так нравишься! Сильно-сильно!» Смешной такой. Пряников мне притащил целую гору и петухов на палочках.

— А я-то думала, откуда у нас в столовой столько пряников? И петухов. А это Петя-петушок петухов принес!

И девочки начинают хохотать, подтрунивая друг над другом. Когда тебе так мало лет, жизнь кажется веселой и бесконечной, все вокруг складывается замечательно, а впереди столько неизведанного и потрясающе интересного...

— А вот я читала...

И начинался пересказ какого-нибудь занимательного романа, которыми так увлекалась Агата.

Сестры до полуночи болтали обо всем на свете, словно давно не виделись и не было целого дня, проведенного вместе.

Утром Тереза собиралась в училище; Агата оставалась дома и помогала матери. Сестры посещали столичную школу танцев. Терезе

там, правда, быстро надоело, но Агата прибежала оттуда домой довольная, с сияющими глазами, полная впечатлений.

— И зачем тебе эти танцы? Чтобы потом отплясывать на кухне между мужем — каким-нибудь скучным чиновником в пенсне, кальсонах и домашнем сюртуке — и детишками?

— Я не выйду замуж за скучного чиновника!

— Ну, тогда за пузатого купца — торговца рыбой!

И сестры вновь безудержно хохотали над своими фантазиями...

Тереза увлекалась точными науками, математика и физика были ее любимыми предметами. У Агаты все было наоборот — эти уроки казались ей скучными, неинтересными. Обе девушки любили рукоделье, хорошо вышивали и вязали. Зимой сестры Браун проводили свободное время на городском катке, где под звуки духового оркестра медленно и грациозно двигались нарядные люди. Там было так торжественно, красиво, празднично... Казалось, что впереди очень-очень длинная и интересная жизнь, наполненная восторгами, как мамина конфетница Петиными разноцветными сладко-глянцевыми петушками! У каждого дня был свой цвет и радостные события. До чего же славно взрослеть!

— Терезка, хочешь, я расскажу тебе свою мечту? — спросила Агата однажды вечером, сидя на кровати сестры и подтянув колени к подбородку.

— Конечно. Странно, что ты, болтушка, до сих пор мне ее не рассказала!

— Я, право, ничего не стану говорить, если ты будешь насмехаться!

— Ну вот, уже надулась!

— Обещаешь не рассказывать маменьке?

— А когда это я ей секреты рассказывала?

— Я выйду замуж и у меня будет много-много детей!

— Вот дуреха! И что у тебя в голове? И это все? Что же тут таинственного? — удивилась Тереза.

— У меня будет пять или даже десять детей! В столовой будет стоять такой длинный стол, и мы все будем за ним сидеть, все дети — маленькие и большие, а я буду наливать им суп из большой пузатой белой супницы. Душистый и горячий. И все они будут славненькие, такие душики! Просто чудо как хороши! Я очень хочу, чтобы так было.

— Ну, десять — это слишком много шума и забот, времени ни на что не останется. Эх, Агата, что творится у тебя в голове? Что это за мысли? Откуда они?

— Я прочла об этом в книге. И мне очень понравилось. Они так дружно все жили, такими были голубчиками...

— Одно дело — книга, а другое — жизнь!

— Нет, ты послушай! Представляешь, у нее десять детей, а она ушла от мужа...

— Куда ушла?

— Известно куда — к другому...

— Как же так-то? Отчего? Ты ведь говоришь, что все они были голубчиками!

— Постылый он был! Нелюбимый!

— Зачем же от постылого столько детей рожать?

— Но вначале-то все хорошо было. Это потом она поняла, что он постылый.

— Знаешь что, Агата? Замуж надо выходить по любви, тогда и убежать не придется! А детей достаточно и двое.

— Ты так думаешь? Ну, если двое, тогда две девочки, и чтобы одна была старше другой на два года. Не больше. Как мы с тобой. Правда, Тереза? Ведь нам так хорошо вдвоем! Никаких подруг не надо!

Девушки крепко обнялись и еще долго шептались, вслушиваясь в ночные звуки за морозным окном.

Глава 4

Двадцативосьмилетний граф Александр Николаевич Гурьев был строен, очень красив и богат. Благодаря сочетанию этих личных качеств с исключительно благоприятными жизненными обстоятельствами возникал образ процветающего и абсолютно счастливого человека.

Семья Гурьевых была одной из самых знатных и богатых в России. У них был огромный дом в Петербурге, но молодой граф жил там не много времени, обычно суровой зимой. Большую часть года он проводил в Венеции, и о его жизни там никому ничего не было известно. Еще Александр Николаевич очень любил подмосковную фамильную усадьбу в селе Богородское, исключительно удобную и красивую.

Московская знать почитала своим долгом каждый год в декабре отправляться на собственных лошадях всем семейством из деревни в Москву, а на первой неделе поста возвращаться в деревню. Гурьевы поддерживали отношения с деревенскими соседями. В каждой губернии было свое избранное общество, раз в неделю собиравшееся в Богородном собрании, где блистали статс-дамы и фрейлины. Там было все: и дивные наряды, и ленты, и бриллианты, и прочие восхитительные драгоценности, и роскошные шляпки, украшенные перьями. А еще интриги, сплетни, любовные истории, жаркие страсти...

Усадьба Гурьевых в Богородском была двухэтажной — настоящий дворец с мансардой. Рядом с домом стояло два флигеля, а далее виднелись многочисленные хозяйственные постройки. Гурьевы владели обширными землями. Рядом с их домом рос сад, далее — парк с обязательными для русских поместий дивными липовыми аллеями, дубовая роща и сосновый лес.

Рано утром, еще до завтрака, граф Александр Николаевич позвал камердинера Фрола и приказал подать карету. Его сиятельство собирался ехать в Москву. Жизнь в усадьбе томила его своим однообразием. Все здесь казалось ему чрезвычайно тоскливым.

Московские развлечения тоже прискучили: все оперы граф уже слышал, все балеты уже видел, да и балы не обещали ничего нового, кроме разве что свежих московских сплетен. Светские невесты были хорошо известны молодому графу и ничуть его не интересовали — предсказуемые, фальшивые, жеманные; их разговоры казались ему скучными.

Его сиятельство предпочитал ласки крестьянских девок, которые по наивному простодушию ничего от него не ждали и были бесконечно счастливы вниманием молодого графа.

Его последней «утешительницей» была двадцатилетняя Аграфена, недавно овдовевшая, — ее муж умер от пьянства. Она была бездетной, и как только супруг почил с миром, девку перевели в барский дом, где Груша поселилась в девичьей с незамужними служанками. Была она хороша — голубоглазая, круглолицая и улыбчивая. Увидев графа, Аграфена краснела и улыбалась, чувствуя себя особенной и гордясь этим. Она старалась попасться ему на глаза, нетерпеливо ждала приглашения и мчалась со всех ног, едва заслышав: «Молодой граф приехали! Слава богу, а то что-то давно не было».

— Груша, ступай в баню, а с первыми петухами ко мне! — приказывал барин, если был в соответствующем настроении.

Молодой граф был щедр. У Груши подарков набрался уже целый сундучок: платки, шали, отрезы на сарафаны, расшитые льняные рубахи, ожерелья, деньги.

Александр Николаевич не знал, что следует дарить крестьянке. Деньги ей вроде бы ни к чему. «Что она на них купит?» — простодушно размышлял молодой человек. Но иногда все же совал ассигнации в карман ее широкой ситцевой юбки. Деньгам Аграфена была несказанно рада.

— Эх, Грушенька, пригожая ты! Не обижаешься на меня?

— Что вы! Что вы, ваше сиятельство! Как можно? Я завсегда прихожу, когда зовете. Завсегда!

Не зная, что нужно молодой крестьянке, Александр Николаевич велел Маняше, материнной экономке и шпионке, покупать для Груши «всякие бабские штучки». Маняшка указ выполняла, а затем докладывала об этом графине. Матан была спокойна: пускай сын резвится. Крестьянка никакой опасности не представляла.

Деньги Аграфена копила, чтобы купить себе шубку. Внутри заячий мех, а сверху сукно, и хорошо бы гладью расшитое... И с кушаком. Такая шуба была у Лидки, ключницы. В этом наряде она, Груша, Александру Николаевичу еще больше понравится. Аграфена уже договорилась с буфетчиком Митрофаном, которому время от времени приходилось ездить в столицу за покупками. Вино, шампанское и водка заканчивались очень быстро, ведь в усадьбе обычно было много гостей, а винный погреб всегда должен быть полон: так положено... Скоро Митрофан собирался ехать на ярмарку, он обещал взять Аграфену с собой. Она уже у Маняшки отпросилась, а та графине доложила. Согласие было получено.

— Боязно мне, Митроша, в эту Москву ехать, прямо страсть!

— Так не ехай! — равнодушно ответствовал Митрофан.

— Нет, мне очень надо. Я в Москве-то этой не была никогда. Вот и боюсь.

— Нечего ее бояться! Народу только полно, а так все как обычно. Улицы широкие, из камня. Едешь по ним, шума столько... Ну, это летом, конечно. Зимой тихо все. Собаки только лают. Так они и у нас лают!

В Москву Аграфена так и не поехала, потому что деньги из сундучка кто-то умыкнул. Искала их, искала — зря. Все платки перетряхнула, сундук опустошила. Деньги в тряпицу были завернуты и в уголок положены, на самое дно. Кто же это сотворил? Не дознаться теперь. Проплакала бедная Груня целый день, но никому ничего не сказала.

Утром Александр спал до полудня, пропустив завтрак и чай, который подавали в одиннадцать часов. Молодому графу приносили свежий завтрак прямо в спальню. Нежась в кровати и лениво поглядывая в окно на сад, он пил кофе, пытаясь угадать, какова нынче погода, потом закладывал коляску и отправлялся в Москву. Ежели были приглашения от друзей из соседних имений, он ехал к ним.

Обладая огромным состоянием, которое обеспечили ему батюшка Николай Дмитриевич и дед Дмитрий Александрович, Алекс не видел нужды служить Отечеству. Жизнь молодого человека была размеренной, он был настроен исключительно на удовольствия. У Александра Николаевича не было абсолютно никаких обязанностей и

важных дел. Он заполнял свой день разными пустяками, поскольку заняться ему было совершенно нечем.

В отличие от деда и отца, которые посвятили себя служению царю и Отечеству, сделали прекрасную карьеру и были награждены орденами, а также заработали огромный капитал, граф Александр Николаевич скучал. Так жили многие молодые люди империи, наследники огромных отцовских состояний. Мало у кого из них возникало желание идти на службу, чтобы, занимаясь, на их взгляд, разной чепухой, получать жалованье в какой-нибудь конторе, пропахшей старыми бумагами и пылью.

Граф Гурьев был хорошо образован, знал иностранные языки, прекрасно разбирался в искусстве, любил поэзию и в великосветских салонах проявил себя человеком умным и знающим. Он умел вступить в спор, вовремя вставить слово, сделать замечание, блестяще отстаивал свое мнение. Столичные невесты без памяти влюблялись в молодого графа, считая его не только красавцем, но и большим умницей, «таким душкой»... и мечтали выйти за него замуж.

Его сиятельство серьезных отношений не выстраивал, долгих и прочных романов не заводил и даже ни разу в жизни не был влюблен по-настоящему. Его отношения с женщинами были подчеркнута легкими и для слабого пола абсолютно бесперспективными. Алекс сам был легок, словно летний ветерок.

Молодой граф Гурьев много читал, посещал московские театры и великосветские салоны или ночи напролет играл с приятелями в карты, вкусно ел, пил коньяк и изысканные вина. Бывало, он неделями жил в столице, заводя ничего для него не значащие любовные интриги с актрисами. Казалось, ничто не может увлечь его всерьез и надолго. То, что он холоден как лед, а посему и мужем будет неважным, несколько утешало девиц, мечтавших о браке с Александром Николаевичем. Его сиятельство предпочитал простые отношения, не отягощая ни себя, ни юных барышень обещаниями и надеждами.

В Богородском молодой граф мог целый день посвятить конной прогулке. На любимом жеребце Вилли он скакал по привольным гурьевским заливным лугам либо в полном одиночестве отправлялся на пешую прогулку по лесу. Алекс также любил по несколько дней охотиться. Борзых и гончаков Гурьевы покупали у лучших заводчиков; некоторые собаки были привезены из Саксонии и хорошо обучены

псарем Ферапонтом. Псарня Гурьевых была рассчитана на пятьсот собак. Среди них у графа Александра был любимчик, гончий пес Лео, которому разрешено было заходить в дом и носиться по комнатам. Пес привык к привилегированному положению и обнаглел. Он спал на господских подушках и ел из серебряной посуды.

Как уже было сказано, последнее время молодой граф подолгу жил в Венеции. Когда же возвращался, течение его жизни становилось прежним.

Нынче Александр Николаевич решил отправиться в театр, где танцевала его московская пассия Луиза Бельская. В усадьбе граф приказал ожидать его через неделю, не раньше, и попросил впускать Лео в дом.

Обычно Алекс обедал вне дома. Если он был в Москве, то ел в дорогих ресторанах либо в трактирах, славившихся своей кухней. Ночевал Александр Николаевич в какой-нибудь гостинице. В этот приезд он случайно встретился со старым другом, и тот посоветовал ему для ночлега тихий уютный доходный дом, где встреча с кем-нибудь из светской знати исключена. Находился он в центре Москвы, на Патриарших прудах. Над входом была вывеска: «Доходный дом Анны Браун».

Глава 5

Зима наступила рано. Ноябрь выдался морозным. Снега навалило столько, что дворники едва успевали расчищать тротуары. Почти каждый день вьюжило и снежная замять наметала живописные сугробы, ослепительно сверкавшие по утрам. Оттепели уже не ждали. Над домами целый день высились темно-серые столбы дыма, поднимавшиеся из печных труб, и казалось, что эти необыкновенные колонны держат на себе лазоревый купол неба.

Русский человек любит зиму с ее красотами и забавами. Уже открылись городские катки, и оттуда, нарушая вечернюю тишь, доносились звуки духового оркестра. В Москве между окраинными улицами соорудили множество ледяных и снежных гор для детворы и взрослых, в парках устраивали конные бега на санях-розвальнях, и победителю, помимо славы, доставался денежный выигрыш.

Вторую зиму подряд Тереза с Агатой говорили друг другу, что они уже взрослые и на санках катаются последний год. Но потом все забывалось, ведь это было очень веселое занятие. В толпе, радостно встречающей зиму, были не только дети, но и взрослые, которые с шутками, криками и песнями неслись с ледяных гор напрямик в свое уже сбежавшее детство...

В тот день в доме Анны Браун все шло своим чередом: Дуня стряпала на кухне, хозяйка рассчитывалась с посыльными из соседних лавок, принесшими свежих щук и мясо.

Внизу у центрального входа зазвонил колокольчик. Трифон, мужик высокого роста, одетый в шелковую рубаху-косоворотку, подпоясанную черным витым шнуром, приступил к своим обязанностям. Он открыл входную дверь и, поклонившись, встретил гостей. Впустив клубы морозного воздуха, на пороге появилась молодая пара — элегантный мужчина в цилиндре и собольей шубе и дама в кашемировом салопе и эффектной шляпе с белой меховой оторочкой. Привратник, учтиво стряхнув с обуви гостей снег, помог им раздеться.

— Пожалуйте сюда, в гостиную залу, милостивые господа! — Трифон провел мужчину и даму в столовую, где Анна обычно встречала постояльцев. — Присаживайтесь, будьте так любезны. Хозяйка сейчас выйдут. Не хотите ли чего?

Анна приучила малоразговорчивого и неграмотного Трифона громко и внятно произносить обязательные фразы, и он хорошо с этим справлялся. Лишь бы постояльцы не задавали каких-либо неожиданных вопросов, иначе слуга смущался, начинал путать слова, говорить косноязычно и невпопад. Трифона Анна наняла случайно, из сострадания, но ни разу об этом не пожалела. Он был исключительно честным и преданным, выполнял все просьбы, добросовестно совмещая труд привратника и дворника.

Трифон позвонил уже в другой колокольчик. Он проделывал это с удовольствием, понимая всю важность возложенных на него обязанностей.

— Как имя-отчество хозяйки? — спросил элегантный мужчина.

— Анна Ивановна их звать. Сейчас они выйдут, — ответил Трифон, боясь, как бы у него не спросили еще чего-нибудь.

— Принеси-ка... как тебя-то зовут?

— Трифоном кличут сызмальства. — Привратник стоял, согнувшись в полупоклоне, готовый выполнить любую просьбу.

— Принеси-ка, любезнейший, даме попить. Что у вас тут есть?

— Брусничная вода, милостивый государь.

— Неси брусничную воду, только изволь ее подогреть. Уж больно холодно нынче.

— Да, — согласился Трифон, — больно холодно нынче. Второго дня собака наша насмерть замерзла. На ночь оставили на дворе, она и того... сдохла.

Трифон ушел за водой, опасаясь, что сказал лишнее. «Про собаку господам знать ни к чему. Вдруг огорчение испытают?»

Отца Анны звали Гансом, но это имя в качестве отчества звучало бы очень странно. В Москве неудобно было называться Анной Гансовной, достаточно и того, что у нее немецкая фамилия. Анна решила, что ее давно почивший папенька не стал бы пенять на то, что дочь переделала его немецкое имя на русский лад, став Ивановной.

Большие черные часы, висевшие на стене, пробили два часа пополудни. За столом в углу гостиной сидела семья: купец второй

гильдии Вертунов с супругой и двумя мальчиками пяти и семи лет. Они обедали; блюда им приносила Дуня, одетая в синий русский сарафан. В помещении было чисто и уютно. На больших окнах висели белые полупрозрачные занавески, а по бокам — тяжелые серебристые портьеры. Яркое зимнее солнце, пробиваясь сквозь занавески, оставляло на дубовом полу веселые желтые пятна. В одной части гостиной-столовой стояло несколько столов с красивыми, обитыми бордовым бархатом стульями, в другой — два больших дивана с креслами. Обстановка была подобрана со вкусом. Приятно и прямо пахло едой.

К гостям вышла Анна, гладко причесанная, в скромном домашнем платье, которое было ей к лицу.

— Добрый день, господа. Чем могу служить?

— Добрый день. Разрешите представиться: граф Александр Николаевич Гурьев. А это моя добрая спутница, Луиза. Она балерина, прима из Большого. Мы непременно оставим вам контрамарку.

Анна улыбнулась. Впервые к ней пожаловала столь важная особа.

— Очень приятно! Меня зовут Анна Ивановна Браун. Я уже несколько лет содержу эту небольшую гостиницу и буду очень рада принять у себя таких приятных господ. Надеюсь, вы останетесь довольны.

— Ваш доходный дом рекомендовал мне мой товарищ. Он как-то обедал у вас и хвалил кухню и обстановку. Вижу, он не ошибся: у вас очень мило.

— Да, да, очень мило, — повторила за графом его спутница. — А что это за цветок? — Узкой, словно детской рукой, в которой были зажаты перчатки, она указала на стоящее в большой кадке огромное дерево, усыпанное красными цветами. — Странно. Зима, а он так пышно цветет!

— Его научное название мне неизвестно. Мы называем его «китайская роза». Она очень неприхотлива и радуется цветением несколько раз в году... Так что же вам угодно, милостивые господа? Вы напостой или хотите отведать наших блюд?

Вошел Трифон, принесший на подносе теплую брусничную воду для дамы.

— Извольте испить, как просили.

За годы содержания доходного дома Анна удивительным образом научилась сразу же определять, что за человек ее будущий постоялец. Обычно первое впечатление ее не обманывало, и она гордилась своей интуицией. Граф ей понравился.

Луиза взяла с подноса красивую тонкостенную, почти прозрачную чашку и наполнила ее брусничной водой из кувшина. На руках балерины блеснули яркие рубиновые браслеты и изящные золотые кольца. Анна с интересом рассматривала Луизу. Одета со вкусом, но не так изысканно, как оделась бы графиня. Стройная, с красивой шеей. В общем, довольно мила. Сразу видно, что она всего лишь подружка графа.

Гурьев был очень привлекателен. Темные волосы, зачесанные назад, открывали большой чистый лоб. Проницательный взгляд серо-зеленых глаз свидетельствовал о недюжинном уме. Молодой человек был строен и легок, с той неторопливостью в движениях, которую можно было бы назвать раскованностью в союзе с вальяжностью. У него была чудесная улыбка. От графа пахло дорогим одеколоном и первоклассным табаком.

— Я хотел бы снять у вас лучшие апартаменты, и чтобы непременно с большой спальней. У вас есть такие?

— Есть именно то, что вам нужно. Будете довольны. В апартаментах три комнаты, пять окон, большая кровать. Есть камин. Вы к нам надолго?

— Я живу в Петербурге. В Москве у меня дела, и я пробуду здесь дней восемь... Там видно будет. Пока что я заплачу вам за неделю.

Граф вынул из кармана сюртука бумажник и, не считая денег и не спрашивая о цене, оставил на столе несколько купюр.

— Ваше сиятельство, не изволите ли прежде взглянуть на помещение?

— Не утруждайтесь. Думаю, меня все устроит.

— Какие у вас пожелания относительно еды? — спросила Анна.

— Сегодня мы вряд ли будем есть — уже отобедали. Будьте любезны занести в наш номер французское шампанское и фрукты с бельгийским шоколадом. А ближе к вечеру подайте в комнаты горячего жасминового чая. Утром кофе и что-нибудь еще на ваше усмотрение. А чем вы можете накормить нас вечером?

— Есть паштет из зайца. Свежайший. Вчера еще бегал по полям, — улыbnулась Анна. — Кухарка недавно закончила его готовить.

— Благодарю покорно, Анна Ивановна. Зайчатина меня не очень привлекает, ведь я охотник и у нас в усадьбе часто подают к столу дичь. Вообще-то я гурман. Люблю вкусно поесть и должен предупредить, что очень избалован. Не поверите, но некоторые московские трактиры чудо как хороши. Там можно отведать такую невидаль, что и в лучшей ресторации не сыщешь. Нынче мы с Луизой отобедали в Троицком трактире на Ильинке. Подавали уху из белуги, сваренной во французском шампанском. М-м-м... доложу я вам, об этом стоит поговорить отдельно... А какой там балалаечник! Очень колоритно. Очень. Люблю трактиры! Там, конечно, полно проходимцев, жулья, шулеров и надо ухо держать востро, но в этих заведениях я чувствую истинный русский дух!

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ